

Е. К. Тарасова, Е. П. Чуприна

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ТАКТИКИ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ И ИНЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Введение. В современных условиях построения демократического правового государства особое значение приобретает развитие нравственных основ правоприменительной деятельности, особенно в сфере уголовно-процессуальных отношений, которые в наибольшей степени связаны с ограничением прав и свобод личности, применением мер принудительного характера в отношении граждан. Значимость норм морали в уголовном процессе подчеркивается в Конституции Республики Беларусь (ст. 25, 27, 28, 60 и др.) [1], а также нормах Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Беларусь [2], содержащих в себе основополагающие нравственные начала.

Теоретической разработкой нравственных основ уголовно-процессуальных отношений занимается наука судебная этика. Это сравнительно молодая наука и в данный период она находится в стадии формирования. Так, первые монографические и диссертационные исследования в этой области появились только в 70-х гг. прошлого столетия (работы Г. Ф. Горского, Л. Д. Кокорева, П. Д. Котова, Ю. М. Зархина) [3; 4]. В настоящее время теоретический фундамент судебной этики составляют научные труды таких известных авторов, как А. В. Дулов, С. Г. Любичев, Г. И. Пичкалева, И. В. Дражина, Н. Г. Калугина, Я. В. Комиссарова, Т. Н. Москалькова, Т. З. Зинатуллин, Н. Н. Сенякин [5–13] и др. Свои исследования они посвятили разработке этических основ деятельности следователя, эксперта, адвоката-защитника, судьи и иных участников уголовного процесса. Заметим, что в большинстве своем эти работы были написаны в 80–90-е гг. XX в. с учетом ранее действующего законодательства.

Изучив работы современных белорусских авторов по вопросам судебной этики, мы пришли к выводу, что данной области знаний уделяется недостаточное внимание. Большинство источников – это учебные и учебно-методические пособия, тексты лекций и т. п. [14–19], в которых дается самая общая характеристика этических аспектов следственной и судебной деятельности с упором на описание нравст-

венных качеств, которыми должны обладать субъекты, наделенные властными полномочиями; незначительное место отводится исследованию конкретных проблем этического характера, возникающих сегодня в практике предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

С учетом изложенного в настоящей статье будут рассмотрены актуальные этические проблемы тактики производства некоторых следственных и иных процессуальных действий, которые до настоящего времени не получили надлежащую теоретическую разработку и являются спорными для ученых-юристов и практиков.

Основная часть. В числе следственных действий, тактика проведения которых имеет ярко выраженный этический аспект, первым, несомненно, следует назвать *допрос*. Процессуальная регламентация его достаточно подробна (ст. 68, 110, 215–221, 237, 244, 329, 330, 332, 335, 434, 435 УПК Республики Беларусь). На основе требований закона криминалистикой разработан целый ряд тактических приемов и рекомендаций, учитывающих этические стороны его подготовки и проведения. В частности, большое внимание уделяется вопросам подготовительного этапа допроса: выбору времени, места, способа вызова допрашиваемого с учетом его процессуального положения, возраста, состояния физического и психического здоровья, занятости, иных особенностей личности, а также обстоятельств расследуемого преступного события. Разработаны тактические рекомендации по определению круга участников данного следственного действия. Однако здесь усматриваются пробелы нравственно-этического плана, которые в большей мере касаются особенностей допроса несовершеннолетних.

Известно, что при производстве допроса несовершеннолетнего участие иных лиц, помимо допрашивающего, может вызвать значительные затруднения в общении. Между тем в некоторых указанных в законе случаях является обязательным участие таких лиц, как: педагог, психолог, родители или иные законные представители. В частности, ч. 1 ст. 435 УПК Республики Беларусь регламентирует, что при допросе несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого обязательно участие педагога или психолога; согласно ч. 1 ст. 221 УПК участие педагога или психолога обязательно при допросе несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, а в возрасте от 14 до 16 лет – по усмотрению следователя, дознавателя. В этой связи к выбору того или иного специалиста следовате-

лю, дознавателю необходимо подходить очень осторожно, опираясь на известные положения криминалистической тактики и, конечно же, нормы морали. До проведения допроса целесообразно выяснить у несовершеннолетнего, хотел бы он давать показания в присутствии знакомого или незнакомого педагога или психолога. При выяснении факта сложных, неприязненных взаимоотношений, сложившихся между допрашиваемым и педагогом, психологом учебного заведения, в котором он обучается, этичнее и результативнее будет приглашение незнакомого ему специалиста. Установление причин подобных взаимоотношений может оказаться очень полезным для изучения личности допрашиваемого, установления с ним психологического контакта, выбора тактических приемов проведения допроса.

Намного сложнее дело обстоит с проблемой привлечения к участию в допросе несовершеннолетнего его законных представителей, но прежде чем раскрыть ее, обратимся к содержанию понятия «законные представители».

Согласно п. 8 ч. 1 ст. 6 УПК Республики Беларусь законные представители – это родители, усыновители, опекуны, попечители подозреваемого, обвиняемого лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего или гражданского истца; представители учреждений и организаций, на попечении которых находятся подозреваемый, обвиняемый, лицо, совершившее общественно опасное деяние, потерпевший или гражданский истец. Из анализа норм УПК, а именно ч. 3 ст. 41, ч. 3 ст. 43, ч. 6 ст. 50, ст. 57, можно сделать вывод о содержании функции законного представителя – это осуществление прав несовершеннолетнего наряду с ним или вместо него. Законодатель предоставляет несовершеннолетнему повышенную юридическую защиту, учитывая неполноту процессуальной дееспособности подростка и допуская одновременно в уголовный процесс представительство его интересов защитником и законным представителем. Несомненно, роль законного представителя существенна, особенно с учетом тех обстоятельств, что он несет ответственность за воспитание и поведение несовершеннолетнего. Но всегда ли эта роль однозначно положительна?

В соответствии с ч. 1 ст. 221 УПК Республики Беларусь родители и другие законные представители могут участвовать при допросе несовершеннолетних потерпевшего и свидетеля. В случае доверительных, близких отношений между родителями и ребенком их присутствие позитивно воздействует на него, дает ощущение поддержки, по-

нимания, позволяет раскрепоститься, довериться допрашивающему. Разрешение следователя родителям присутствовать на допросе позволит им избежать тяжелых переживаний во время допроса за своего ребенка, и тем самым также будет способствовать формированию атмосферы доверия и понимания между допрашиваемым и следователем, дознавателем. Однако, если в семье нет взаимопонимания и доверия, присутствие родителей скорее вызовет раздражение, замкнутость подростка, нравственные страдания у обеих сторон, и цель допроса не будет достигнута. Таким образом, следователь, дознаватель должен принять решение о возможности участия родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего потерпевшего, свидетеля с учетом конкретных обстоятельств.

Иначе законодатель решает вопрос относительно участия законных представителей при допросе несовершеннолетнего обвиняемого и подозреваемого. В соответствии с ч. 1 ст. 436 УПК Республики Беларусь их участие является обязательным. В этом случае у следователя и несовершеннолетнего нет выбора относительно участия этих лиц и, как следствие, может возникнуть существенная этическая проблема. При неблагоприятных отношениях в семье, сложных, неприязненных отношениях между подростком и отцом, матерью, опекуном, попечителем и т. д., допрос в их присутствии может заранее прогнозироваться как безрезультатный.

Данную проблему в юридической литературе поднимали некоторые авторы, в частности А. С. Ландо, С. В. Матвеев, О. Ю. Скичко, В. В. Печерский и С. Ю. Ревтова [20–23]. Следует согласиться с мнением С. В. Матвеева, который предлагает при решении вопроса об участии законного представителя в допросе несовершеннолетнего учитывать два момента:

- 1) чувства, испытываемые несовершеннолетним к данным лицам;
- 2) возможность их отрицательного влияния на несовершеннолетних в процессе допроса [21, с. 14].

Полагаем, что допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого в отсутствие его законных представителей может быть законодательно признан допустимым с учетом волеизъявления несовершеннолетнего. Тем более что законодатель уже предусмотрел возможность проведения следственных действий в отсутствие законных представителей подозреваемого или обвиняемого, надлежащим образом извещенных о месте и времени проведения данных действий, но

не явившихся для участия в них, с письменного согласия несовершеннолетнего (ч. 5 ст. 436 УПК Республики Беларусь).

На практике могут возникать проблемы несогласия родителей или иных законных представителей с мнением подростка об отстранении их от участия в допросе. Считаем, что решающим в данном случае должно быть желание подозреваемого, обвиняемого и мнение следователя. То есть если несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый высказывается против участия в допросе его законного представителя, то это может служить основанием для отстранения законного представителя от участия в следственном действии, даже если сам законный представитель изъявил желание воспользоваться своим правом. Заметим, что в отсутствие законного представителя участие защитника, а также педагога или психолога в достаточной мере защищает права и представляет интересы несовершеннолетнего.

Таким образом, полагаем, что с учетом нравственно-этической составляющей и в интересах следствия в действующее законодательство необходимо внести изменения. В частности, ст. 436 УПК «Участие законного представителя несовершеннолетних подозреваемого или обвиняемого в предварительном следствии» целесообразно дополнить нормой следующего содержания: «В случае возражения несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого против участия в допросе, ином следственном действии его законных представителей, вопрос о необходимости такого участия решает следователь».

Следует особо остановиться на проблемах этического характера, возникающих при производстве *очной ставки*. Цель данного следственного действия состоит в устранении существенных противоречий в показаниях двух ранее допрошенных лиц (ст. 222 УПК Республики Беларусь).

Принятие решения следователем, дознавателем о производстве очной ставки должно основываться не только на тактических, но и на этических положениях. Возможны ситуации, «когда нравственные критерии налагают запрет на производство тактически оправданной очной ставки, и следователь от нее отказывается» [6, с. 42]. Необходимо тщательно взвешивать возможность проведения очной ставки между взрослым и несовершеннолетним (тем более малолетним), между людьми, находящимися в близких отношениях, материальной, служебной или иной зависимости. Проведение очной ставки может вызвать большую эмоциональную перегрузку у ее участников, особенно несовершеннолетних и потерпевших. Негативное воздействие

на лиц, дающих правдивые показания, особенно внушаемых и испытывающих страх перед вторым допрашиваемым, может привести к обратному от желаемого результату очной ставки. Недопустимо использовать очную ставку как средство оказания психологического давления на свидетеля, сомневающегося в своих внутренних ощущениях относительно события, которое он наблюдал. Также недопустимо, с нравственных позиций, проведение очной ставки с целью выработки у всех сообщников единого, «выгодного» следователю, сценария события, чтобы в дальнейшем на стадии судебного разбирательства в их показаниях не было противоречий.

Негативным примером подобной ситуации послужило проведение очной ставки по одному из эпизодов печально известного витебского дела. Следователь, пригласив на очную ставку трех обвиняемых в совершении преступления, один из которых категорически отрицал свою причастность к его совершению, предложил двум другим изложить свои показания, с тем чтобы выработать у всех единую картину события. Это недопустимо и с точки зрения закона, и с точки зрения морали. Устранение существенных противоречий в ранее полученных показаниях, несомненно, необходимо, но далеко не всегда это может осуществляться на очной ставке. Полагаем, что ее проведение оправдано в том случае, когда иные способы устранения противоречий в показаниях исчерпаны и следователь вынужден идти на тактический риск. При планировании очной ставки следователь должен оценивать ее результативность, целесообразность, досконально изучив личность допрашиваемых, иначе очная ставка, как писал известный процессуалист Л. Е. Владимиров, «влечет за собой только повторение лжи, еще с большим нахальством и со “смотрением прямо в глаза”» [24, с. 317].

Спорные вопросы этико-правового характера возникают при разработке тактики *предъявления для опознания* – следственного действия, производимого с целью отождествления либо установления групповой или родовой принадлежности потерпевшим, свидетелем, подозреваемым или обвиняемым ранее воспринимавшегося объекта по его мысленному образу.

В криминалистической литературе указывается, что опознание живого лица может быть произведено по двум группам признаков: анатомическим и внешним функциональным (походка, голос, устная речь и т. д.) [25, с. 659]. Однако в связи с тем, что внешние функциональные признаки отличаются возможностью их существенного из-

менения на некоторое время усилием воли человека, достоверность результатов опознания по ним подвергается сомнению.

Некоторые авторы в целях решения данной проблемы предлагают следовать рекомендациям: «предъявлять опознаваемое лицо необходимо таким образом, чтобы оно об этом не подозревало» [25, с. 659] и только «после опознания ему должно быть сообщено о сущности совершенного действия и его результатах» [26, с. 357].

Противником такого подхода в свое время выступил С. Г. Любичев, который указал: «Противоречат, на наш взгляд, требованиям закона и морали встречающиеся в криминалистической литературе рекомендации о том, что при производстве опознания по функциональным признакам (походке, голосу и т. д.) не следует ставить опознаваемого в известность о производстве опознания» [6, с. 77]. По нашему мнению, с С. Г. Любичевым следует согласиться, учитывая приведенные ниже обстоятельства.

Во-первых, сообщение опознаваемому о проведенном следственном действии по его окончании нарушает требования целого ряда статей УПК Республики Беларусь, в частности: ч. 1 ст. 192 и ст. 195, предусматривающих обязанность следователя, дознавателя при привлечении лиц к участию в следственном действии разъяснить им права и обязанности, а также порядок производства данного следственного действия; ч. 2 ст. 224, закрепляющей право опознаваемого занять любое место среди предъявленных для опознания лиц; и, наконец, п. 4 ч. 1 ст. 48, наделяющей защитника правом участвовать в следственных действиях, проводимых с участием его подзащитного – ведь очевидно, что защитник в рассматриваемой ситуации также остается в неведении (по закону защитник и подзащитный могут беспрепятственно общаться друг с другом).

Во-вторых, приведенная рекомендация противоречит нормам морали. Дело в том, что предъявление для опознания лиц по внешним функциональным признакам производится, как правило, в том случае, если данные признаки характеризуются значительным отклонением от нормы, наличием некоторого дефекта (хромота, картавость, заикание и т. п.). Известно, что внешне воспринимаемые дефекты порождают определенные психологические проблемы, комплексы у их носителя; и если такой человек *post factum* узнает, что являлся объектом целенаправленного восприятия со стороны других лиц, выполнял для них какие-то двигательные команды и специально не был заранее предупрежден о действительной цели и значении своих действий, это

нанесет ему дополнительную душевную травму, будет воспринято как унижение. А ведь впоследствии может выясниться, что этот человек не имеет никакого отношения к расследуемому преступному событию.

Можно привести еще один аргумент в поддержку точки зрения С. Г. Любичева, прибегая к аналогии. Демонстрацию опознаваемым своих внешних функциональных признаков можно сравнить, по существу, с получением образцов для сравнительного исследования, в частности экспериментальных образцов почерка, в рамках процессуального действия, предусмотренного ст. 234 УПК Республики Беларусь. При получении экспериментальных образцов почерка также не исключена возможность их намеренного искажения в целях затруднения процесса идентификации, тем не менее данное обстоятельство не препятствует их дальнейшему использованию в экспертном исследовании. Факт отбора у лица экспериментальных образцов почерка в условиях, исключающих возможность осознания им цели производимого действия, автоматически выводит это действие за рамки уголовного процесса в сферу оперативно-розыскной деятельности, где действует принцип конспирации. В уголовном процессе это недопустимо, так же как недопустимо и предъявление для опознания лица без своевременного поставления его в известность об этом, разъяснения прав и обязанностей, порядка производства следственного действия.

Для обеспечения достоверности результатов предъявления для опознания лица по внешним функциональным признакам можно предложить работникам следствия и дознания следующие рекомендации:

1) проводить данное следственное действие следует только в том случае, если опознающий заявляет о своей уверенности в возможности опознать разыскиваемое лицо и указывает на его конкретные индивидуализирующие функциональные признаки;

2) если в ходе производства по делу предъявлению для опознания лица предшествуют какие-либо другие следственные действия с его участием, целесообразно в процессе их проведения применять видеозапись (либо звукозапись, если предполагается опознание по голосу или устной речи). Тогда непосредственно перед предъявлением для опознания можно напомнить данному лицу, что его внешние признаки, в том числе функциональные, уже запечатлены и теперь нет смысла пытаться их изменять. Соответствующие технические

средства фиксации рекомендуется применять и в процессе самого предъявления для опознания;

3) предъявлять подозреваемого, обвиняемого для опознания в натуре целесообразно в том случае, когда их поведение характеризуется деятельным раскаянием, желанием помочь расследованию либо хотя бы толерантным отношением к производству по уголовному делу. Если же указанные лица проявляют крайний негатив, цинизм, явное нежелание участвовать в данном следственном действии, следовательно, дознавателю лучше предъявлять их для опознания по видеоизображению (фонограмме). С этой целью могут быть использованы видеофильмы (фонограммы), изготовленные до возбуждения уголовного дела и вне связи с ним либо специально смонтированные из нескольких фрагментов с учетом требований УПК о качестве и количестве предъявляемых для опознания объектов, о чем составляется специальный протокол. Продемонстрированные опознаваемому видеофильмы (фонограммы) должны быть приобщены к уголовному делу.

Следует также отметить, что решению обозначенной этико-правовой проблемы в определенной степени способствовало бы внесение в ст. 224 УПК Республики Беларусь изменений и дополнений, касающихся особенностей предъявления для опознания лица по его внешним функциональным признакам, – в действующей редакции кодекса они не определены.

Одним из наиболее значимых и распространенных в практике расследования уголовных дел процессуальных действий является *производство экспертизы* – исследования на основе использования специальных знаний, результатом которого выступает самостоятельный источник доказательств – заключение эксперта. В отношении данного процессуального действия недостаточную, на наш взгляд, теоретическую разработку получили две этические проблемы.

Одна из них касается вопроса о возможности передачи экспертом информации о промежуточных (предварительных) результатах экспертизы лицу, ее назначившему.

Одни авторы (А. В. Дулов) эту возможность допускают [27, с. 209, 211], другие (А. Р. Белкин) – сомневаются, учитывая то, что уголовно-процессуальный закон запрещает допрашивать эксперта до представления им заключения [28, с. 328], третьи (А. Р. Шляхов) – категорически отрицают [29, с. 54]. Однозначно утверждать о правильности той или иной точки зрения нельзя, потому что понятие

«промежуточные (предварительные) результаты экспертизы» можно трактовать по-разному.

Под предварительными результатами экспертизы можно понимать ее предполагаемые результаты, т. е. те, которые реально еще не были получены. Предоставление следователю информации о них следует признать недопустимым. Во-первых, высказанные предположения психологически обязывают эксперта следовать именно данной экспертной версии, которая, однако, может оказаться ошибочной. Во-вторых, если предположения эксперта ошибочны, следовательно, опираясь на них, может направить следствие по ложному пути.

Иначе должен быть решен вопрос в отношении реально полученных промежуточных результатов предметной деятельности эксперта. Если следователь присутствует при проведении экспертизы, он может наблюдать их непосредственно – правомерность получения им информации таким способом бесспорна. Поскольку ограничивать следователя только этим способом нет никаких оснований, полагаем, что даже в случае отсутствия его при проведении тех или иных экспертных исследований он вправе знать о них.

Другая этическая проблема, связанная с производством экспертизы, касается так называемого неофициального общения следователя и эксперта по поводу результатов экспертизы, не нашедших отражения в экспертном заключении. В частности, В. Н. Махов считает такое общение вполне допустимым и даже желательным. Он пишет: «В ряде случаев эксперт располагает большим объемом информации, полученной в результате проведенного им исследования, чем той, которая содержится в представленном им заключении. Поэтому, прежде всего, в сложных ситуациях, когда расследование по делу “заходит в тупик”, следователю рекомендуется, ознакомившись с заключением, выяснить у эксперта неофициальное мнение о результатах проведенного исследования, дополнительной информации, которой он располагает с учетом результатов сходных исследований, проведенных ранее. Такая информация эксперта может иметь существенное значение при выдвижении версий и их проверке, порой серьезно меняющих направление расследования» [30, с. 207].

По нашему мнению, с приведенной рекомендацией согласиться нельзя, поскольку она противоречит этическим нормам. С точки зрения этики эксперт должен обеспечивать правосудие правдивыми научными фактами и честными научными заключениями [31, с. 28]. Любые выводы, которые основываются не на результатах использо-

вания научно обоснованной методики экспертного исследования, отраженных в заключении, а на интуиции, догадке эксперта, не могут сообщаться следователю ни в какой форме. Более того, если причина расхождения «официальных» и «неофициальных» результатов экспертизы кроется в недостаточной компетентности эксперта, он обязан отказаться от дачи заключения на основании п. 2 ч. 4 ст. 61 УПК Республики Беларусь.

Заключение. Таким образом, в результате проведенного нами теоретического исследования:

1) проанализированы имеющиеся в юридической литературе точки зрения на спорные вопросы этического характера, возникающие при производстве допроса, очной ставки, предъявления для опознания, экспертизы; обоснована авторская позиция;

2) сформулированы конкретные этические нормы, которые должны учитываться при разработке тактики соответствующих следственных (процессуальных) действий, в их числе: запрет проведения опознания лица по внешним функциональным признакам без поставления его в известность об этом до начала следственного действия, запрет «неофициального» общения следователя и эксперта по поводу результатов экспертизы, не нашедших отражения в экспертном заключении, и др.;

3) предложен ряд тактических рекомендаций по оптимизации производства отдельных следственных действий, в частности допроса и предъявления для опознания, учитывающие требования уголовно-процессуального закона и этических норм;

4) сформулированы предложения по совершенствованию норм УПК Республики Беларусь, касающихся участия законных представителей в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также порядка предъявления для опознания лиц по внешним функциональным признакам.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 10.11.2008 // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

3. Горский, Г. Ф. Судебная этика. Некоторые проблемы нравственных начал советского уголовного процесса / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов. – Воронеж: ВГУ, 1973. – 272 с.

4. Зархин, Ю. М. Нравственные основы предварительного следствия в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю. М. Зархин; Моск. гос. ун-т. – М., 1974. – 16 с.

5. Дулов, А. В. Нравственные основы культуры судебной деятельности / А. В. Дулов // Юстиция Беларуси. – 2000. – № 1. – С. 12–14.

6. Любичев, С. Г. Этические основы следственной тактики / С. Г. Любичев. – М.: Юрид. лит., 1980. – 96 с.

7. Пичкалева, Г. И. Роль морали в следственной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Г. И. Пичкалева; Моск. гос. ун-т. – М., 1980. – 26 с.

8. Дражина, И. В. Нравственные принципы следственной деятельности: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / И. В. Дражина; Моск. гос. ун-т. – М., 1984. – 16 с.

9. Калугина, Н. Г. Этические основы отдельных следственных действий по делам о преступлениях несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н. Г. Калугина. – Ижевск, 1996. – 216 л.

10. Комиссарова, Я. В. Процессуальные и нравственные проблемы производства экспертизы на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Я. В. Комиссарова. – Саратов, 1996. – 212 л.

11. Москалькова, Т. Н. Этика уголовно-процессуального доказывания (стадия предварительного расследования) / Т. Н. Москалькова. – М.: Спарк, 1996. – 125 с.

12. Зинатуллин, Т. З. Этические основы уголовно-процессуальной деятельности адвоката-защитника: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т. З. Зинатуллин. – Ижевск, 1999. – 134 л.

13. Сенякин, Н. Н. Нравственно-этические основы осуществления правосудия по уголовным делам в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Н. Н. Сенякин. – Саратов, 2005. – 195 л.

14. Веленто, И. И. Юридическая этика: тексты лекций / И. И. Веленто, Г. Г. Шиханцов. – Гродно: ГрГУ, 2002. – 275 с.

15. Колодынская, О. В. Юридическая этика: конспект лекций / О. В. Колодынская. – Новополоцк, 2002. – 80 с.

16. Мельник, П. Б. Юридическая этика. Предварительное расследование и судебное разбирательство: учеб. пособие / П. Б. Мельник. – Минск: Част. ин-т упр. и предпр., 2005. – 37 с.

17. Порубов, Н. И. Юридическая этика: учеб. пособие / Н. И. Порубов, А. Н. Порубов. – Минск: Вышэйш. шк., 2003. – 352 с.

18. Станишевская, Л. П. Юридическая этика: учеб.-метод. пособие / Л. П. Станишевская. – Минск: БГЭУ, 2006. – 107 с.

19. Стрежнева, Т. В. Юридическая этика: учеб.-метод. пособие / Т. В. Стрежнева. – Минск: МИТСО, 2003. – 64 с.

20. Ландо, А. С. Представители несовершеннолетних обвиняемых в советском уголовном процессе / А. С. Ландо; под ред. В. А. Познанского. – Саратов: Саратов. ун-т, 1977. – 133 с.

21. *Матвеев, С. В.* Получение информации от несовершеннолетних, ее оценка и использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / С. В. Матвеев. – М., 2003. – 270 л.

22. *Скичко, О. Ю.* Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.09 / О. Ю. Скичко; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2005. – 26 с.

23. *Печерский, В. В.* Допрос несовершеннолетней потерпевшей на предварительном следствии и в суде. Изнасилование / В. В. Печерский, С. Ю. Ревтова; Гродн. гос. ун-т им. Янки Купалы. – Гродно, 2003. – 260 с.

24. *Владимиров, Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах / Л. Е. Владимиров. – Тула: Автограф, 2000. – 462 с.

25. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова [и др.]; под ред. Р. С. Белкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2006. – 974 с.

26. Криминалистика: учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. – Минск: Экоперспектива, 1998. – 416 с.

27. *Дулов, А. В.* Права и обязанности участников судебной экспертизы / А. В. Дулов; под ред. Д. С. Карева. – Минск: Изд-во М-ва высш., ср. спец. и проф. образования, 1962. – 408 с.

28. *Белкин, А. Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – М.: Норма, 2005. – 528 с.

29. *Шляхов, А. Р.* Правовые основы организации и деятельности судебно-экспертных учреждений в СССР / А. Р. Шляхов // Сб. науч. тр. / ВНИИСЭ. – М., 1976. – Вып. 22: Правовые проблемы судебной экспертизы. – С. 5–68.

30. *Махов, В. Н.* Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / В. Н. Махов. – М., 1993. – 388 л.

31. *Schroeder, O. C.* Ethical and Moral Dimensions in Forensic Science / O. C. Schroeder // Forensic Science / Ed. Geoffrey Davies. – Ed. 2, rev. and expanded. – Washington: American Chemical Society, 1986. – P. 27–34.